

САКРАЛЬНЫЕ ТЕРРИТОРИИ КАК ХРАНИТЕЛЬНИЦЫ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ЕВРАЗИЙСКИХ НАРОДОВ (на примере плоскогорья Укок на Алтае и долины Эрдэнэбурэн в Западной Монголии)

А. В. Иванов

Аннотация: В статье уточняется понятие «сакральная территория», анализируются атрибуты и функции сакральных территорий в культуре евразийских народов, в том числе алтайцев и западных монголов-ойратов. Показывается близость этих функций на примере сакрального плоскогорья Укок в Республике Алтай (Россия) и долины Эрдэнэбурэн в Ховдском аймаке (Монголия).

Ключевые слова: культура, евразийские народы, сакральная территория, историческая память, алтайцы, ойраты, Укок, Эрдэнэбурэн.

Работа выполнена по проекту Международного конкурса РГНФ — МинОКН Монголии «Монгольский мир: между Востоком и Западом» (№ 10-03-00865а/G).

1. Священные земли в культуре народов Евразии: функции и атрибуты

1.1. Понятие сакральной (священной) территории

В настоящее время общепризнано, что места традиционного проживания коренных евразийских народов включают в себя сакральные (священные) объекты, вызывающие особое — бережное и благоговейное — отношение со стороны местного населения. Это могут быть отдельные природные образования в виде гор, водных источников, рек, озер, рощ, деревьев; объекты культуры (храмово-погребальные комплексы, архитектурные сооружения, наскальные изображения), а также священные территории, где природные и культурные элементы образуют целостные культурные ландшафты, выделяемые и особо охраняемые членами данной этнокультурной общности. Для таких сакральных территорий характерны многослойная символика, особая пространственно-временная структура, связь с магической и ритуальной практикой коренных народов, уходящие корнями в глубины истории. В настоящее время ведутся достаточно интенсивные научные исследования сакральных объектов и территорий как в России, так и в Монголии (Святилища..., 2000; Марсадолов, 2005)¹.

Иванов Андрей Владимирович - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Алтайского государственного аграрного университета.

Священные земли воспринимаются коренным населением как особо значимые для их существования. В ряде сибирских субъектов Российской Федерации (Горный Алтай, Тува, Хакассия, Бурятия) предпринимаются усилия по приданию им особого правового статуса. «Для того, чтобы продвинуть вопрос о сакральных территориях на государственный уровень, — пишет, например, директор Каракольского этноприродного парка «Уч Энмек» в Республике Алтай Д. И. Мамыев, — необходимо, прежде всего организовать встречи с населением всей республики Алтай, напомнить об огромной роли Алтая, тем более, уже во многом научно обоснованной. Далее необходимо организовать сбор обращений от жителей республики, научной общественности в местные законодательные органы. В России такого опыта, к сожалению, нет, хотя во всем мире есть такие места, которые издревле считаются святыми... Необходимо принятие закона о Сакральных территориях в Российской Федерации. Это требование времени, завтра будет поздно» (Мамыев, Токова, 2008: 107-108). Аналогичная работа по юридическому закреплению статуса сакральных земель ведется сегодня в Хакассии (Тугужекова, 2011: Электр. ресурс).

Что касается Монголии, то здесь на государственном уровне официально признан и утвержден в качестве священных целый ряд горных вершин, испокон веков почитавшихся монголами. Возле главной горы Монголии Отгонтэнгэр, господствующей над священном для монголов горным хребтом Хангай, каждые четыре года обряд поклонения совершает сам Президент Монголии вместе с правительством. В настоящее время государственный обряд сакрализации совершен и относительно целого ряда вершин на территории Западной Монголии, таких, например, как гора Сутай (характер совершаемого сакрального обряда хорошо описан в работе: Цэдэв, 2009: 69-76) и гора Алтын-хухий-уул, о которой речь еще впереди.

К сожалению, следует констатировать, что безудержная коммерциализация жизни обеих наших стран ставит под угрозу сохранение сакральных земель. Они подвергаются постоянным атакам со стороны технократии, нацеленной на разработку минеральных ресурсов, прокладку газо-, нефте- и тепловых сетей, изъятие земель под различные коммерческие нужды. При этом налицо тенденция игнорировать права местных жителей не только на сохранение здоровой среды обитания, но также традиционного уклада жизни и верований. Сегодня вокруг защиты сакральных земель разворачивается самая настоящая борьба, где, на одной стороне, выступают силы отживающей техногенно-потребительской цивилизации, для которых, чаще всего, нет ценностей выше прибыли и личных

амбиций; и силами нарождающейся новой — духовно-экологической — цивилизации, где ценности культуры и природы являются наивысшими мерилami и целями человеческого бытия.

В целях понимания значения священных земель для выживания и развития евразийских народов на современном этапе мирового развития следует для начала более подробно остановиться на самом понятии «сакральная территория», а также на тех функциях, которые они всегда выполняли и до сих пор успешно выполняют в культуре. Далее будет показана принципиальная общность характеристик и функций сакральных территорий у алтайцев и монголов на примере российского плоскогорья Укок и западно-монгольской долины Эрдэнэбурэн. Они могут рассматриваться как культурные ландшафты, являющиеся наглядными природно-символическими носителями и выразителями общих устоев традиционного мировоззрения евразийских народов.

1.2. Функции сакральных территорий в культуре евразийских народов

Под сакральной (священной) территорией можно понимать сознательно выделяемую и маркируемую часть культурного ландшафта этноса, играющую важную роль в формировании и функционировании его традиционного мировоззрения; в процессах этнической самоидентификации; в культурном, демографическом и социально-экономическом воспроизводстве.

Сакральные территории благодаря своим уникальным природным и культурным элементам, а также благоговейному и бережному отношению со стороны коренного населения:

- выражают и хранят ключевые мировоззренческие идеи и ценности данной этнической общности, обеспечивая передачу из поколения в поколения большого массива традиционных знаний;
- являются устойчивыми носителями и хранителями исторической памяти народа;
- являются центрами культурного ландшафта и служат местом проведения традиционных праздников и обрядов. В отдельных случаях для

сакральной территории характерен запрет на посещение людьми, и мы сталкиваемся с феноменом «значащего отсутствия» в культуре, когда именно непосещение и недеяние подчеркивают сакральный характер пространства;

- формируют психологическое чувство родства у членов данной этнокультурной общности и служат важным фактором ее непрерывного существования во времени;

- обеспечивают устойчивость хозяйственного потенциала традиционных ландшафтов, воспроизводство объектов собирательных и охотничьих промыслов;

- вызывают у людей чувство благоговения, творческого подъема, эстетического восхищения и нравственного катарсиса благодаря красоте природных объектов и гармоничной включенности в них культурных артефактов.

Сохранение сакральных территорий — гарант существования и воспроизводства традиционных евразийских культур в пространстве и во времени, особенно культур коренных малочисленных народов. Можно даже сказать, что сохранность священных земель есть важное условие обеспечения права народа на сбережение своей Родины и национального достоинства.

Развязное же поведение на сакральных территориях, а тем более попытки их сознательного или бессознательного разрушения, — закономерно воспринимаются коренным населением как кощунство, как покушение на честь и достоинство народа. Подобные ситуации вызывают многочисленные этнические и религиозные конфликты по всему миру. Были, как известно, подобные конфликты и на территории Российского, и на территории Монгольского Алтая. Здесь достаточно вспомнить протесты местного алтайского населения, прежде всего теленгитов, против археологических раскопок на плоскогорье Укок и против прокладки через него же прямого газопровода в Китай. Известны также протесты западно-монгольской общественности против разработок месторождения угля близ священной монгольской горы Сутай. К сожалению, права отдельных богачей во всем мире защищаются куда как успешнее, нежели права и интересы целых народов.

1.3. Атрибуты сакральных территорий

Простейшим и наиболее зримым лингвистическим атрибутом сакрального объекта (и священной территории в том числе) является этимология слова, которым он именуется. Например, древнее святилище Бичикту-Бом в Онгудайском районе Республики Алтай, о котором речь еще впереди, переводится как «камень-писаница».

К числу неотъемлемых свойств (атрибутов) священных территорий, благодаря которым они и распознаются людьми, относится также наличие уникальных природных объектов, выдающихся по своим физическим и эстетическим характеристикам. Это могут быть высокие горы, целебные водные источники, живописные озера и реки, укромные плоскогорья и долины, древние лесные массивы с деревьями-долгожителями. С сакральными землями, как показывают современные исследования, нередко совпадают центры биологического разнообразия и ареалы распространения редких животных. Эти животные часто рассматриваются местным населением как тотемные животные-прародители, с которыми у данной этнической общности существуют глубинные экологические и духовные связи.

Многие сакральные территории обеспечивают сохранность почвенных, водных и климатических балансов на огромных территориях, выступая в роли глобальных стабилизаторов климата. На них фиксируются геомагнитные и атмосферные аномалии, выходы редких пород металлов и минералов, необычные природные явления, типа причудливой игры облаков на рассвете и закате, свечения гор или вод. Люди, даже не принадлежащие к числу местных жителей, попав в подобную природную атмосферу, нередко испытывают необычайный прилив физических сил и состояние творческого вдохновения.

К атрибутам священных территорий относится и их близость к основным путям миграций и караванным путям древних народов. Неслучайно подобные территории отличает необыкновенная глубина и плотность исторической памяти, проявляющиеся в многообразных артефактах культуры разных эпох: курганах и менгирах, ритуальных комплексах и петроглифах. Так, исследователи древнего Алтайского святилища Бичикту-Бом, о котором мы упоминали выше, отмечают: «Здесь проходили две основные дороги в древности на север и на юго-восток в Монгольский

Алтай, по которой проходит сейчас Чуйский тракт и дорога на запад вдоль долины, далее на Чарыш и Ануй в западный Алтай. В данном случае нельзя не учитывать, что здесь, в центральной части Горного Алтая и находится территория формирования этнической группы алтай-кижи. К тому же вблизи другие памятники предшествующих эпох — могильники энеолита, скифской эпохи, гунно-сарматского времени и древнетюркские памятники. Не учитывать этого нельзя. Эта округа в центре Горного Алтая была духовно и исторически ценной территорией, на которой и возникло святилище» (Мартынов и др., 2006: 332). И далее: «На святилищах, как правило, представлены рисунки разных исторических эпох. Это важная особенность святилищ. Духовная ценность святилища тем выше, чем больше рисунков и как долго они существовали, т.е. святилище должно обладать большой исторической памятью. В этом его ценность, она накапливается в рисунках» (там же: 333).

Важным непосредственным доказательством сакральности местности служит и то, что она окружена трепетным отношением со стороны местного населения, которое хранит о ней древние легенды и предания, передающиеся из поколения в поколение. Из века в век в этих местах проводятся праздники и культовые действия, призванные поддержать гармонию между человеком и Космосом, установить связь между миром людей и миром духов-хранителей. «Горы, по мнению алтайцев, — пишет Э. В. Екеева, — являются живыми существами, имеющие хозяев (духов)... Алтайцы также верят, что горы являются местом, где заканчивается настоящая жизнь человека и зарождается новая, т.е. они представляли жизнь человека как череду его перерождений. Согласно этому алтайцы раньше хоронили умерших в пещерах, гротах, в каменных осыях на склоне гор, в расщелинах скал» (Екеева, 2006: 190). Близкие воззрения относительно гор мы находим и у монголов, которые устанавливают священные обо (обоны) на перевалах и повязывают на них голубые ленты «духам-хозяевам гор», населяющим высоты. «До сих пор, — пишет Н.Х.Цэдэв, — сохранились героические эпосы у западных монголов-ойратов, при исполнении которых воспевают Алтай как комплекс священных гор» (Цэдэв, 2009: 71).

Из века в век сакральные земли и связанные с ними обряды выступали также важнейшим средством культурной самоидентификации и социальной интеграции евразийских этнических общностей. Они до сих пор являются местом паломничества и поклонения со стороны не только местного, но и пришлого населения, а также всех чутких людей, которые их посещают.

При этом знания, связанные с сакральной территорией, могут носить эзотерический характер и не раскрываться перед носителями иных культурных и религиозных традиций. Сакральное молчание и феномен «значащего отсутствия» здесь зримо противостоят профанному говорению и пустым символам (симулякрам по выражению французского мыслителя Ж. Бодрийара) — едва ли не главному атрибуту современной техногенно-потребительской цивилизации.

1.4. Формы сохранения исторической памяти о священных землях

Известны три формы сохранения исторической памяти о священных землях: письменные источники, устная народная традиция и, наконец, объективный природно-культурный потенциал самой территории, хранящей сакральные ценности и смыслы. Чаще всего одновременно действуют несколько форм сохранения сакральной культурной памяти, но особенно интересна последняя форма.

Существует много примеров, когда отдельные сакральные объекты и целые сакральные территории почитаются священными не одним, а многими исторически сменяющимися друг друга этническими группами, часто не имеющими культурно-языковых контактов между собой. Вновь пришедшие этносы интуитивно понимают их роль в сохранении биосферного потенциала окружающей среды, обеспечении гармоничных взаимоотношений между человеком и природой; земными, подземными и надземными слоями мирового бытия; прошлым, настоящим и будущим.

Именно такой характер носит сакральность английского мегалитического комплекса Стоунхендж, который почитался священным и древнейшим населением Англии — пиктами, а впоследствии — пришедшими сюда с континента саксами и норманнами, и даже современными англичанами. Из века в век священной почиталась Минусинская котловина в Хакасии, где свои петроглифы и святилища оставили десятки племен и каменного, и бронзового, и железного века, а также народы последующих эпох. Подобный же сверхэтнический сакральный характер носит святилище Колбак-Таш в долине реки Чуи на Алтае.

Точно также, природно-культурный потенциал самого алтайского плоскогорья Укок и западно-монгольской высокогорной долины Эрдэ-

нэбурэн из века в век привлекал и до сих пор неудержимо привлекает к себе людей, превращая их в значимые сакральные объекты не только на территории Алтая, но и во всей Евразии.

2. Сакральные территории Большого Алтая: плато Укок и долина Эрдэнэбурэн

Священный характер плато Укок и долины Эрдэнэбурэн удовлетворяют всем атрибутам сакральности, выделенным выше. Более того, их природные характеристики и функции в культуре алтайского и монгольского народов являются весьма близкими.

Во-первых, тюркская и монгольская этимология слова «укок» указывает на его сакральный характер. Одна из интерпретаций отсылает к монгольскому слову «ухэг», что буквально означает ящик, закрытый сундук с плоским верхом. Другие реконструкции также указывают на его священный характер. В древнетюркском слово «кок» отсылает к вечно синему Небу, где верховное божество именовалось «Кок-Тенгри», а сами тюрки называли себя «кек тюрк» («голубые тюрки»). Еще одна интерпретация связана с разбиением слова на два: Ук-Кок, что буквально может быть понято как «Слово Неба», ибо «кок», как в тюркском, так и в монгольском языке означает «голубой», а «ук» переводится как «слово» (Рудой и др., 2000: 37). Если обратиться к этимологии монгольского слова «Эрдэнэбурэн», то оно переводится буквально как «полнота сокровищ». Само монгольское слово «эрдэнэ» значит также «священный», «сакральный», «приносящий счастье». В буддийской традиции широко распространен образ коня, везущего камень счастья Чинтамани (восьмигранную драгоценность). На монгольском языке он именуется «эрдэнэ морь».

Важным подтверждением сакральности того же Укока служит убежденность коренных жителей этих мест теленгитов, что на Укоке нельзя громко разговаривать, а, тем более, сквернословить или распивать спиртные напитки. За этими антисакральными действиями неминуемо следует наказание. Недаром суровый и прекрасный Укок был в течение многих столетий заповедной землей, где те же теленгиты никогда не охотились и не вели хозяйственной деятельности. Они посещали его лишь в летние месяцы для совершения обрядов. Кстати, истинность многих традиционных воззрений сегодня сплошь и рядом подтверждает совре-

менная наука. Здесь достаточно вспомнить научное изучение традиций индийской йоги, давшее весьма ценные результаты. Любопытно, что по древним буддийским преданиям сам Будда доходил до Укока, а на перевале Канас, который на него ведет, находится камень с выбитой на нем священной для буддистов формулой Ом-мани-падмэ-хум («О, сокровище на лотосе!»). Ту же самую сакральную буддийскую надпись можно встретить на одном из перевалов дороги, ведущей из западно-монгольского города Баян-Ульгий в г. Ховд и проходящую рядом с долиной Эрдэнэбурэн.

Сакральность же Эрдэнэбурэн — территории проживания коренного западно-монгольского народа олетов — подтверждается убежденностью местных жителей в ее особой охраняющей и стабилизирующей роли для всей территории Ховдского аймака, а также в том, что наиболее выдающиеся правители и культурные деятели Западной Монголии — выходцы с данной священной территории. Именно на территории высокогорной степи Эрдэнэбурэн находились родовые кочевья знаменитого исторического деятеля Джунгарии — хана Галдана Бошокту-хана. Где-то здесь же, по некоторым источникам, спрятал в горных пещерах свои картины знаменитый алтайский художник Г. И. Чорос-Гуркин перед возвращением на родину из эмиграции. Кстати, и сам он ведет свою родословную от царского западно-монгольского рода «чорос», традиционно кочевавшего в районе Эрдэнэбурэн.

Таким образом, оба интересующих нас объекта, безусловно, выделяются местным населением в качестве узловых элементов природно-культурного ландшафта.

Во-вторых, территории Укока и Эрдэнэбурэн характеризуются выдающимися по своим биосферным функциям и эстетическим характеристикам памятниками природы, из века в век выступавшими объектами религиозного поклонения со стороны многих коренных народов.

Так, на подъезде к перевалу Теплый ключ, непосредственно ведущему на плоскогорье Укок, расположены знаменитые целебные Джумалинские ключи, которые лечат от многих болезней и почитаются священными. В старину местные жители даже останавливались всегда несколько в стороне от целебных источников, чтобы к ним могли ночью подходить горные бараны, козлы и косули.

С перевала Теплый ключ открывается необыкновенный вид на горный массив Табын-Богдо-Ола (Таван Богд), господствующий над плоско-

горьем Укок. Его название переводится на русский язык как «пять священных вершин». Они почитаются таковыми всеми окрестными народами: монголами и алтайцами, тувинцами и казахами. Если же подняться на гору, господствующую над перевалом, то в ясный день можно одновременно созерцать две главных алтайских вершины — Табын-Богдо-Ола и Белуху, образующих изумительную по своей красоте и величию горную группу. Особого разговора заслуживает игра света над Укоком, особенно вечером и после грозы. Автору лично не раз доводилось созерцать фантастическую мистерию красок укокских закатов, когда можно увидеть на горизонте радугу в виде усеченной четырехгранной пирамиды или небо ярко желтого цвета с фиолетовыми вкраплениями.

Не менее примечателен природный ландшафт Эрдэнэбурэн. Над ее высокогорными степями господствуют две величественных горных вершины — увенчанный шапкой вечных льдов горный массив Цамбагарав (по одной из интерпретаций, явно восходящих к буддийским представлениям, — «место, где вознесся Цампа»), а также гора Алтын-хухий-уул (буквально «Гора золотой девы»), и впрямь в ясный день напоминающая деву, спящую глубоким сном. Эта гора распоряжением местных и центральных властей официально признана священной горой Ховдского аймака. Раз в несколько лет там совершается официальный обряд государственного поклонения духу данной горы.

По древним поверьям, Цамбагарав и Алтын-хухий-уул воплощают, соответственно, мужское и женское природные начала, обеспечивающие гармонию противоположных стихий и энергий. Не менее уникальна по своим природным и эстетическим характеристикам и сама простирающаяся на десятки километров долина, нервом которой является главная река Западной Монголии — Ховд. Поражает цветовая гамма долины от бесконечных оттенков серого и темного тонов в окраске каменистых степей до золотисто-зеленого спектра окружающих хребтов и взгорий. Почти в сердце долины находится изумительная гряда пурпурно-красных холмов, особенно прекрасная и завораживающая в лучах заходящего солнца.

Как и на Укоке, все пространство долины Эрдэнэбурэн является, воистину, «полнотой археологических сокровищ», причем ритуальные комплексы обеих территорий ориентированы на господствующие вершины — Табын-Богдо-Ола, Цамбагарав и Алтын-хухий-уул. Соответственно, пространственно-культурная архитектоника Укока и Эрдэнэбурэн в единстве природных и культурных составляющих подчеркивает и отте-

няет традиционную трехчленную вертикальную структуру мира, свойственную мировоззрению всех кочевых народов региона. Голубое небо (Кок-Тенгри) над белоснежными вершинами Табын-Богдо-Ола и Цамбагаравом как нельзя лучше символизировало вечное место обитание богов и душ великих предков, охраняющих мир живущих людей и доносящих до них вести с высших небес. Не исключено, что захороненные здесь тела вождей и жриц должны были и после физической смерти выступать в роли хранителей родовых территорий и посредниками между богами и людьми. Одежда и татуировка на теле той же знаменитой «принцессы Укока» непосредственно указывают на трехчленность мира, где низ символизирован татуировкой рыбы — налима, а солнечный верх — изображениями птиц на головном уборе. Трехчленное вертикальное деление мира явственно вычитывается и на менгирах (вертикально поставленных камнях) скифской Пазырыкской культуры, которые мы обнаруживаем на сакральных землях и Эрдэнэбурэн, и Укока. Символично, что эти священные скифские менгиры встречают путника и при спуске с перевала Теплый ключ на основное пространство Укока, и при спуске в долину Эрдэнэбурэн с перевала Хангор-Уленгийн-Дабаа близ Цамбагаравы.

Здесь присутствует очень важный аксиологический и общекультурный момент: в традиционном мировоззрении всех евразийских народов, издревле населявших Алтай, во всех культурных артефактах очень четко подчеркнута не только онтологическая, но и ценностная вертикаль бытия, наличие солнечного ценностного «верха» («неба») и «низа» («дна») Космоса, доброго и темного начал, где недопустимо никакое смешение полюсов, никакое «выворачивание» мира наизнанку.

В-третьих, и Укок, и Эрдэнэбурэн исключительны с точки зрения своего биологического разнообразия и биосферного потенциала, что усиливает ощущение их избранности и особой созидательной роли в глазах местного населения. Только из занесенных в Красную книгу Республики Алтай на Укоке можно встретить 16 видов растений (среди них золотой корень и красный корень) и 40 видов животных и птиц (среди них барс, горный баран аргали, кот манул, черный аист, горный гусь, степной орел).

Что касается Эрдэнэбурэн, то на ее просторах и окружающих высотах — тех же Цамбагараве и Алтын-хухий-уул — встречаются такие редкие «краснокнижные» животные, как тот же снежный барс, антилопа дзерен и горная индейка улар. Сама долина изобилует животными и дичью. Автору лично довелось встретить здесь большую стаю горных козлов, пере-

секших путь нашей машине. Важно и то, что по Эрдэнэбурэн протекает река Буянт, впадающая на ее территории в реку Ховд. Именно плодородная земля вокруг Буянта издревле служила основой для земледелия в Западной Монголии (более подробно об истории земледелия в данных суровых краях см.: Нямсурен, 2006: 103-106). Выращенные здесь трудолюбивыми ойратами картофель, морковь, капуста, репа, огурцы и арбузы обеспечивают овощами и растительной пищей территорию этого сурового горного края.

Все это заставляет считать оба сакральных объекта выразителями и хранителями целостности природного мира, органической частью которого является мыслящий и действующий человек. Традиционная культура в принципе не могла позволить себе того, что позволяет себе делать с природой человек в техногенно-потребительской цивилизации. И этим экологически устойчивым традициям хозяйствования у древних народов нам предстоит учиться заново и воспринимать природу не как мертвую окружающую среду, а как живой и чувствующий организм.

В-четвертых, плоскогорье Укок, несмотря на свой суровый климат и трудный рельеф, лежало на перепутье движения древних народов Южной Сибири и Центральной Азии. Через него проходил древний путь (а потом и торговый караванный маршрут) из долины Бухтармы в Западную Монголию, а также дорога из северных и северо-западных районов Алтая через перевал Канас в Китай и далее — в направлении Тибета. Именно через Укок отправлялись многие староверы-странники в глухие горы и степи Центральной Азии в поисках легендарного Беловодья. Открытость плоскогорья с четырех сторон света, действительно, превращала его в своеобразный «Алтарь Евразии», к очагу которого для предания земле великих предков и для жертвоприношений из века в век приходили различные народы.

Не менее уникальна в кросскультурном и археологическом отношении и долина Эрдэнэбурэн. Ее также нельзя миновать, следуя из Сибири в Центральную Азию, причем по обоим древним маршрутам — и из Тувы, и с Алтая. Древние караванные и военные тропы Западной Монголии так или иначе также сходились к Эрдэнэбурэн. На землях этой обширной долины мы встречаем не только коренных кочевников олетов, но и сельскохозяйственный народ мянгадов, имеющих явно среднеазиатские корни и каким-то образом оказавшихся в этих засушливых горных степях. Мянгады удивительно умело приспособились к ведению сельского хозяйства

в труднейших климатических условиях. Они в основном и занимаются выращиванием здесь овощей.

На пространствах этой живописной долины, также как и на суровом Укоке, можно найти многочисленные курганы и кэрэксурь афанасьевской, карасукской, гуннской, скифо-сарматской и древнетюркской культур. В археологическом отношении Эрдэнэбурэн пока изучена не лучше, чем плоскогорье Укок. И нас еще ожидают здесь многие удивительные открытия. Современные алтайцы переводят название перевала «Канас», ведущего на Укок, как «каан-ажу» — «царский перевал», подчеркивая сакральность места, где многочисленные прошедшие здесь племена хоронили своих вождей и жриц. Память же народов Западной Монголии (прежде всего олетов) сохранила легенды о вознесшемся с Цамбагаравы подвижнике Цампе и о знаменитом «камне Галдана» в урочище Шижигт, где уходившие с ханом в поход воины оставляли камень, чтобы забрать его живыми по возвращении.

Все это говорит о том, — и это самое главное, — что сакральность Укока и Эрдэнэбурэн не является исключительно достоянием прошлого, а переживается коренным населением монгольского и российского Алтая как актуальная и значимая реальность, влияющая на судьбы и отдельных людей, и этносов в целом.

Существование подобных священных территорий Евразии напоминает о вечном поверх пыли исторических времен и наглядно утверждает абсолютные ценности в стихии нашего сугубо релятивного мира. К этим абсолютным ценностям можно отнести: сохраненный биосферный потенциал и живую красоту алтайской природы; непрерывность исторической памяти народов и их умение благоговеть перед национальными святынями; ответственность человека перед обществом и перед самим собой за поступки и мысли, совершаемые в этом мире.

Сакральные земли — это культурные и экзистенциальные устои человеческого бытия, те родники с водой живой и вечной, к которым все равно предстоит вернуться сынам заблудшей техногенно-потребительской цивилизации, если только они хотят выжить и когда-нибудь встать на путь процветания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Екеева, Э. В. (2006) Сущностные характеристики отношений человека с природой в мировоззрении алтайцев (на примере ландшафтной и водной среды) // Алтай — Россия: через века в будущее : Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 250-летию вхождения алтайского народа в состав Российского государства (16-19 мая 2006). Т. II. Горно-Алтайск.

Мамыев, Д. И., Токова, Н. И. (2008) Значение сакральных территорий в национальной культуре Алтая // Единое культурное пространство Большого Алтая: Материалы международной конференции «Проблемы сохранения и развития культуры народов «Большого Алтая», Барнаул, 30 ноября – 1 декабря 2008 г. Барнаул. С.107-108.

Марсадолов, Л. С. (2005) Методические аспекты изучения древних святилищ Саяно-Алтая // Теория и практика археологических исследований. Барнаул. Вып.1.

Мартынов, А. И., Елин, В. Н., Еркинова, Р. М. (2006) Бичикту-Бом — святилище Горного Алтая. Горно-Алтайск.

Нямсурен, Л. (2006) Из истории земледелия у западных монголов (XIII-XVIII вв.) // Эколого-географические, археологические и социоэтнографические исследования в Южной Сибири и Западной Монголии. Барнаул. С. 103-106.

Рудой, А. Н., Лысенкова, З. В., Рудский, В. В., Шишин, М. Ю. (2000) Укок (прошлое, настоящее, будущее). Барнаул.

Святилища: археология ритуала и вопросы семантики (2000). СПб.

Тугужекова, В. Н. (2011) В Хакасии утвержден перечень сакральных мест // Тува.Азия. URL: <http://www.tuva.asia/news/ruregions/3256-sakralnoe.html>

Цэдэв, Н. Х. (2009) Священная гора Сутай и обряды, связанные с ее государственной сакрализацией // Цэдэв Н. Х. Ценности и культурные константы народов западной Монголии (Евразийские этюды). Улан-Батор. С. 69-76.

¹ Многочисленные материалы по сакральным объектам и территориям монгольского Алтая можно найти в материалах традиционной Международной конференции «Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов», проводящейся раз в два года на базе Ховдского государственного университета, г. Ховд.

SACRED TERRITORIES AS KEEPERS OF TRADITIONAL VALUES OF EURASIAN NATIONS (on the examples of Ukok plato in Altai and Erdeneburen valley in Western Mongolia)

A.V. Ivanov

Abstract: Article explicates the term “sacred territory” among with the analysis of attributes and functions of sacred territories in the cultures of Eurasian nations including Altai people and Western Mongolian Oirats. Proximity of these functions is shown on the examples of Ukok plato in Altai Republic (Russia) and Erdeneburen valley in Khovd aimag (Mongolia).

Keywords: culture, Eurasian nations, sacred territory, historical memory, Altai people, Oirats, Ukok, Erdeneburen.